

Р.А. Беспалов

## ЛИТОВСКО-ОРДЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1419—1429 ГОДОВ И ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

В историографии образование Крымского ханства традиционно принято связывать с династией Гиреев, дискутируется лишь дата его возникновения<sup>1</sup>. Однако этот процесс был довольно сложным и продолжительным. Его истоки восходят к литовско-ордынским отношениям времен единой Золотой Орды. Основной целью данного исследования является рассмотрение первой известной по сохранившимся источникам попытки официального выделения Крымского улуса Золотой Орды в отдельное ханство, а также участия в этих событиях литовской стороны.

### I. Мотивация великих литовских князей в ордынской политике

По мере своего расширения в XIV — начале XV вв., Великое княжество Литовское включило в свой состав огромную территорию русских земель, ранее подчиненную Золотой Орде, которая, однако, так и не вышла из-под ордынского господства. В частности, когда хан Тохтамыш воссел на царство, он направил к великому князю литовскому Ягайлу своих послов. Результатом ответного литовского посольства (видимо, около 1381 г.) стала выдача Ягайлу ярлыка-пожалования на русские земли Великого княжества Литовского<sup>2</sup>. Более поздние ярлыки-пожалования крымских ханов великим литовским князьям ссылаются на аналогичные ярлыки своих предшественников, начиная от хана Тохтамыша, и были составлены по их формуляру<sup>3</sup>. Процедуру их выдачи крымские ханы описывали так: «і

---

<sup>1</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVII века. СПб., 1887. С. 209—250; Грушевський М. [С.] Історія України—Руси. Т. 4: XIV—XVI віки — відносини політичні. Київ, 1993. С. 304—311; Сафаргаліев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 237—241; Мавріна О. С. Виникнення та становлення Кримського ханату (XV століття). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2005. С. 6—7; Гайворонський О. Повелителі двох материків. Т. I: Кримські хани XV—XVI століть і боротьба за наслідство Великої Орди. Київ-Бахчисарай, 2007. С. 13—19; Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011. P. 11—16.

<sup>2</sup> В ярлыке-послании 1393 г. Тохтамыш напоминал Ягайлу об установлении отношений с ним в самом начале своего правления (Оболенский М. А. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 года. Казань, 1850. С. 21—22, 25—26, 51; Радлов В. В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОИРАО. Т. 3. Вып. 1—2. СПб., 1888. С. 6). О классификации ярлыка Тохтамыша 1393 г., как письма см.: Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник, 1975. М., 1978. С. 235—237.

<sup>3</sup> Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... P. 529—533, 539—544; Барвіньський Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття // Історичні причинки. Розвідки, замітки і матеріяли до історії України—Руси. Т. 2. Львів, 1909. С. 16—21; Gołębowski Ł.

panowie litewscy żądali nas i myśmy na żądanie ich to uczynili». Другими словами, ханские ярлыки-пожалования выдавались «za wielkimi prośbami panów». В крымских ярлыках-пожалованиях описана основная суть литовско-ордынских отношений: ханы жаловали великим литовским князьям подчиненные Золотой Орде (позже Крымской Орде) русские земли (приводился их перечень), с которых литовская сторона была обязана выплачивать дань. В случае прекращения выплат татары были вправе применить силу. Важен еще один аспект этих отношений. Послами хана Тохтамыша в Литву выступали: наместник Крымского улуса, «дарага Солхата» Кутлу-Буга и сын бывшего крымского наместника Зайнутдина Рамадана (1349—1357 гг.) Хасан<sup>4</sup>. Следовательно, помимо правителей Золотой Орды и Великого княжества Литовского, вопросы литовско-ордынских отношений находились в ведении крымского наместника хана, который заведовал получением дани с подчиненной Крыму территории.

В 1386 г. Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и принял польскую корону. По договору о брачном союзе (акту Кревской унии 1385 г.) он обещал присоединить к Польше литовские и русские земли<sup>5</sup>. На великом литовском княжении в качестве наместника был оставлен Скригайло. Затем в 1392 г. литовский престол отошел к Витовту. Однако еще и в 1393 г. Тохтамыш по-прежнему поддерживал с Ягайлом установленные ранее отношения. Письмом от 28 мая через своего посла Хасана татарский хан сообщал о восстановлении своей власти в Золотой Орде, нарушенной после недавнего нападения чагатайского эмира Тимура (1391 г.), а также предписывал Ягайлу собрать и выплатить дань с известных земель, видимо, переданных ему предыдущим ярлыком-пожалованием<sup>6</sup>. А. Прохаска заметил, что Польша не платила дань татарам, следовательно, речь шла о сборе дани с русских земель Великого княжества Литовского. Ученый предположил, что для этих целей Ягайло должен был перенаправить послов к Витовту. Однако вместе с тем указал, что согласно казначейской книге королевского двора, 13 августа 1393 г. татарские послы выехали назад в Татарию, а вовсе не к Витовту<sup>7</sup>. На этом основании все же можно думать, что дань они получили именно от Ягайла.

В историографии не раз высказывалось мнение о том, что в конце XIV в. Тохтамыш выдал аналогичный ярлык-пожалование Витовту<sup>8</sup>. Реконструкцию связанных с этим

---

Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3: Dzieje Polski za panowania Kazimiera, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa, 1848. S. 230—233.

<sup>4</sup> См.: Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002. С. 173—174; Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник, 2005. М., 2006. С. 86—87; Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. / Publiés par N. Jorga. Paris, 1899. P. 15; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В. Г. Тизенгаузена. М., 2003. С. 203; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 325.

<sup>5</sup> Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). СПб., 1885. С. 32—33; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. Warszawa, 1930. S. 32—34.

<sup>6</sup> Оболенский М. А. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 года. С. 51; Радлов В. В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. С. 6.

<sup>7</sup> Prochaska A. Z Witoldowych dziejów // Przegląd historyczny. T. XV. Zesz. 3. Warszawa, 1912. S. 262—263; Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420. Kraków, 1896. S. 162.

<sup>8</sup> См.: Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 85—87, 457—462; Prochaska A. Z Witoldowych dziejów. S. 259-264; Петрунь Ф. [С.] Ханські ярлики на українські землі // Східний світ.

событий, выполненную ранее рядом исследователей<sup>9</sup>, можно дополнить и уточнить. После очередного нападения Тимура в 1395 г. положение Тохтамыша сильно осложнилось. В степи появился новый хан Тимур-Кутлуг, который при помощи князя Едыгея согнал Тохтамыша с сарайского престола, а к началу 1397 г. вытеснил его из Крыма<sup>10</sup>. Примечательно, что в начале XVI в. дипломаты Большой Орды вспоминали о «братстве», то есть о существовании мирного договора между Ягайлом и Тимур-Кутлугом<sup>11</sup>. По свидетельству крымской стороны, этот договор сопровождался выдачей Ягайлу ярлыка-пожалования, аналогичного более поздним ярлыкам-пожалованиям крымских ханов<sup>12</sup>. Заключение этого союза в рамках сложившейся традиции литовско-ордынских отношений было возможно в том случае, если к моменту воцарения Тимур-Кутлуга Ягайло сохранял за собой или стремился вернуть себе право сбора ордынской дани в русских землях Великого княжества Литовского. В свою очередь крымская сторона противопоставляла союз Ягайла с Тимур-Кутлугом отношениям Витовта с Тохтамышем. Считалось, что Ягайло предал интересы Крыма так же, как позже их предал Казимир IV, вступивший в союз с ханом Ахматом. Позицию крымской стороны начала XVI в. можно объяснить интересами Ширинов, которые впервые пришли к власти в Крыму именно при Тохтамыше<sup>13</sup>, и которых затем не устраивала власть ставленников Едыгея и его потомков.

Согласно продолжению хроники Дитмара Любекского (1395—1400 гг.), в 1397 г. Витовт собрал литовцев и тех татар, которые еще были верны Тохтамышу, и одержал победу над его ордынскими соперниками у Каффы<sup>14</sup>. Также и по сведениям польского историка второй половины XV в. Я. Длугоша († 1480 г.) в этом году Витовт совершил «первый поход на татар». Он перешел за Дон, воевал в Поволжье и разорил главное кочевье татар, называемое «Ордой» (Дешт восточных источников)<sup>15</sup>. В ярлыках-пожалованиях крымских ханов имеются ссылки на то, что Тохтамыш приезжал к Витовту «на потном коне» (то есть, скрываясь от врагов), и пожаловал литовскому господарю русские земли<sup>16</sup>. Должно быть,

---

Харків, 1929. № 2. С. 170—187; *Шабульдо Ф. [М.] Чи існував ярлик Мамає на українські землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005. С. 100-110.*

<sup>9</sup> См.: *Prochaska A. Dzieje Witolda Wielkiego Księcia Litwy. Wilno, 1914. S. 78—81; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Одра и ее падение. М.—Л., 1950. С. 377—381; Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 145-149; Русина О. В. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 86—88.*

<sup>10</sup> *Сафаргаліев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 175—176, 178—179; Крамаровский М. Г. Джучиды и Крым: XIII—XV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 10. Симферополь, 2003. С. 521.*

<sup>11</sup> *Lietuvos metrika. Kniga Nr. 5 (1427—1506): Užrašymų knyga 5. Vilnius, 1993. P. 170. №102.2; Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469—1515). Akta i listy. / Wydał i szkicem historycznym poprzedził Kazimierz Pułaski // Stosunki polski z tatarszczyzną od połowy XV wieku. T. I. Kraków—Warszawa, 1881. S. 256. № 53.*

<sup>12</sup> *Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8 (1499-1514): Užrašymų knyga 8. Vilnius, 1995. P. 59. №24; Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469—1515)... S. 293. № 78.*

<sup>13</sup> *Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения / Под ред. Ф. Ф. Лашкова // ИТУАК. №23. (Год девятый). Симферополь, 1895. №55. С. 124.*

<sup>14</sup> *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen Preussischen Vorzeit bis zum untergange der Ordensherrschaft. Bd. 3. Leipzig, 1866. S. 216.*

<sup>15</sup> *Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich / Perzekład Karoła Mecherzyńskiego. T. III. Kraków, 1868. S. 491.*

<sup>16</sup> *Барвіньский Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 16, 18—19; Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. T. 3. S. 230—231, 232. Начиная с*

пожалование могло состояться только в то время, когда Тохтамыш с помощью Витовта вернул себе власть в Сараях и в Крыму. Так право на управление русскими землями Великого княжества Литовского полностью перешло к Витовту. Весной 1398 г. польская королева Ядвига напомнила Витовту о подчинении Польше русских и литовских земель и потребовала выплаты какой-то ежегодной дани, на что получила отказ. Литовские и русские бояре заявили, что Польше они никогда ничего не платили, поэтому можно думать, что речь шла о праве Ягайла собирать ордынскую дань в русских землях Великого княжества Литовского. С приобретением ханского ярлыка в этом вопросе Витовт мог обойтись без посредников. В том же году без согласования с Ягайлом он заключил мирный договор с Немецким орденом, а на пиру бояре даже провозгласили Витовта «королем Литвы и Руси», чего, по словам немцев, никогда раньше не было<sup>17</sup>.

Кроме «первого» и «второго» походов, известных Я. Длугошу, современник событий прусский хронист И. Посильге († 1405 г.) сообщает о походе Витовта на враждебно настроенных татар в низовье Днепра еще и летом 1398 г.<sup>18</sup> Однако вскоре Тимур-Кутлуг занял Сарай, а Тохтамыш был вынужден бежать в Киев под покровительство Витовта<sup>19</sup>. В марте 1399 г. в Немецком орденом стало известно, что Витовт заключил с татарским ханом некий договор о мире<sup>20</sup>. В Белорусской I (смоленской по происхождению) летописи сохранился наиболее ранний текст, раскрывающий мотивацию Витовта: «Поидем, пленим землю татарскую, победим царя Темир-Кутлуя и возмем царство его, и посадим царя Тохтамыша, а он мя посадить на всей Руской земли и на том на всем»<sup>21</sup>. Речь шла о том, что в случае возвращения царского престола Тохтамышу, тот обещал Витовту выдать ярлык-пожалование или возобновить действие предыдущего ярлыка на те русские земли, которые к концу XIV в. вошли в состав Великого княжества Литовского<sup>22</sup>. Тем самым должны были

---

ярлыка Менгли I Гирея в ярлыках крымских ханов говорится, что не только Тохтамыш, но и Хаджи I Гирей приезжал к Витовту «на потном коне». Вероятно, это сообщение возникло на основе формуляра предыдущих ярлыков. В 1535 г. эта традиция отправила к Витовту «на потном коне» даже хана Мухаммеда I Гирея, который жил в начале XVI в. (*Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania...* P. 529, 539, 556, 595, 605, 642, 702, 712, 733, 740).

<sup>17</sup> *Scriptores rerum Prussicarum*. Bd. 3. S. 219, 224; Также см.: *Барбауев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). С. 74—75, 84—87.

<sup>18</sup> *Scriptores rerum Prussicarum*. Bd. 3. S. 222.

<sup>19</sup> ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 3-4; ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 167—168.

<sup>20</sup> Письма, в которых сообщается о договоре Витовта с татарским императором, не имеют года. Однако в одном из них содержится надежная привязка к пожару в Вильно, который случился в 1399 г. (*Napiersky C. E. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae*. Th. 1: 1198 bis 1449. Rigae und Dorpat, 1833. S. 135-136. №532, 533; *Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów*. T. 1. Wilno, 1860. S. 317. №700).

<sup>21</sup> ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 31, 52; О списках так называемой Белорусской летописи первого извода см.: *Чамярыцкі В. А.* Беларуская летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969. С. 28—40.

<sup>22</sup> Как показал А. Н. Насонов, в древности территорию «Русской земли» составляла сравнительно небольшая область более поздних земель: Киевской (за исключением ее Деревской и Дреговичской частей), Переяславской и Черниговской (за исключением ее северо-восточной части). Позже название «Русская земля» стало именем нарицательным для более обширной территории, но также могло употребляться и в прежнем значении (*Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 28—32). В «Похвале Витовту», записанной в Смоленске в 1428 г., сообщается, что литовский господарь держал

возобновиться литовско-ордынские отношения, которые установились во время царствования Тохтамышша. Лишь поражение войск Витовта и Тохтамышша в «новом походе» на татар Тимур-Кутлуга в 1399 г. помешало осуществлению их планов<sup>23</sup>.

Затем традиция литовско-ордынских договоров о мире и связанных с ними ярлыков-пожалований имела продолжительную историю, но на каком-то этапе эти отношения перешли из литовско-ордынских в литовско-крымские. Правители Крыма и Литвы в части подчиненной им территории русских земель оказались взаимосвязаны и взаимозависимы. В начале XVI в. послы крымского хана Менгли I Гирея к великому князю литовскому Александру вспоминали «стародавних г(о)с(по)д(а)реи и великих кн(я)зеи и от Витовта и далеи, такеж о(т) Токтамышша, Чжелегдиня, Перберди, Кебек, Керемьберди, Кадерберди, Магметь, Селехмат, Ажи Кгиреи, Мордовлат, Менди Кгиреи и вси деи тыи ц(а)ри были з великими кн(я)зи литовьскими у верномь братстве, у присязе, на всякого неприятеля заодин»<sup>24</sup>. В своих воспоминаниях представители Крыма явно основывались на прежних договорах о мире с Литвой. К сожалению, этот список имеет существенные недостатки. Во-первых, большинство из перечисленных ханов были правителями Золотой Орды. В сохранившихся источниках у них не зафиксировано титула особых «крымских ханов». Во-вторых, список имеет пропуски некоторых ханов, упоминание которых, видимо, было невыгодно или неактуально для крымских и литовских дипломатов начала XVI в. То есть по нему невозможно установить дату перехода от литовско-ордынских к литовско-крымским отношениям на высшем уровне. Тем не менее, этот вопрос можно прояснить с помощью других письменных и нумизматических источников.

## II. Сарайский и крымский престолы к моменту гибели Едыгея

С падением власти хана Тохтамышша, активизировались процессы распада Золотой Орды. Так, в летописи современника событий египетского ученого и чиновника Бадр-ад-Дина ал-Айни († 1451 г.) еще с рубежа XIV—XV вв. стали выделяться «государи Дешта», то есть Поля, столицей которого был Сарай, и «государи Крыма». В тех же случаях, когда полнота власти переходила к одному из правителей, ал-Айни сообщает, что тот был государем и

---

«Великое княженье Литовьское и Руськое и иная великая княженья, спроста рещи вся Руськая земля» (ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 417). Сам Витовт воспринимал Киев в качестве «древней столицы всех русских земель» (Сев. № 1298. S. 780). Поэтому в Белорусской I летописи под «Русской землей» следует понимать русские земли Великого княжества Литовского. По М. Д. Приселкову в основе данного фрагмента Белорусской I летописи лежит Софийская I летопись старшего извода (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 222). Однако статьи о битве на Ворскле этих летописей отличаются друг от друга. Вероятно, они имеют общий протограф, но он был западно-русским (возможно, смоленским). Этот текст был заимствован летописцами Северо-Восточной Руси, которые под «Русской землей» понимали Москву, поэтому начальный текст был ими переосмыслен и в итоге искажен. Это произошло уже в летописных сводах начала XV в., а затем отразилось и в более поздних памятниках русского летописания (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е издание. СПб., 2002. С. 450; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 516). В историографии интересующие нас сведения летописей Северо-Восточной Руси уже ставилась под сомнение (См.: Русина О. В. Україна під татарами і Литвою. С. 88-90).

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 31, 52; ПСРЛ. Т. 3. М., 1950. С. 394-395; Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich. Т. III. S. 494—497; Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 3. S. 229—231.

<sup>24</sup> Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8 (1499—1514). P. 53. №11; Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469—1515). №76. S. 290.

Дешта, и Крыма, как бы одновременно занимая два трона<sup>25</sup>. Однако государи Дешта были еще довольно сильны, поэтому выделение Крыма в особое ханство произошло далеко не сразу. Ордынские смуты с одной стороны создавали дополнительную угрозу для рубежей Великого княжества Литовского, но с другой позволили литовским господарям вести более активную ордынскую политику. Долгое время Витовт выступал против князя Едыгея и его ставленников, поддерживая детей Тохтамыша († 1407 г.)<sup>26</sup>. Впрочем, далеко не все потомки Тохтамыша были ставленниками литовского господаря. Некоторые из них занимали сарайский престол самостоятельно, и затем заключали с ним союз, некоторые сражались между собой, а также восставали против Витовта<sup>27</sup>. Годы борьбы привели Золотую Орду в такой упадок, что об этом стало известно далеко за ее пределами. Так, венецианский сенат стал называть ее правителей «эфимерными ханами» и не рекомендовал консулу своей колонии в Тане (Азаке) посылать к ним послов<sup>28</sup>. В итоге в 1419 г. Едыгей направил в Великое княжество Литовское посольство с предложением о мире, и литовский господарь заключил с ним «желанный союз»<sup>29</sup>.

Как известно, глава рода Мангытов великий князь Едыгей был фактическим правителем Золотой Орды. Он держал при себе марионеточных лиц царского рода и поочередно возводил их на трон. С развитием нумизматики последних лет выяснилось, что в 822 г. х. (1419 г.) в Крыму чеканились монеты с именами хана Дервиша и эмира Едыгея, а затем – с именами хана Бека-Суфи и эмира Едыгея<sup>30</sup>. По сведениям Белорусской I летописи, к Витовту не раз приходили великие ордынские князья «просяще у него царя на царство». Некогда Витовт дал ордынским старейшинам царя «именемь Салтана», а позже дал им другого царя «именемь Малого Солтана»<sup>31</sup>. К. К. Хромов показал, что согласно польской и русской средневековой историографии, первым «султаном»-ставленником Витовта зимой 1411—1412 гг. стал Джелал-ад-Дин (султан Зеледин польских или Зелени-Салтан русских источников)<sup>32</sup>. По Я. Длугошу, после него на престол взошел Керим-Берди (около 1413—1414 гг.), который нарушил мир с литовским господарем. Тогда в Вильно был коронован некий «Бетсубул», который якобы «сгинул» в борьбе с Керим-Берди<sup>33</sup>. Однако Бетсубул (Бек-Суфи) остался жив и пришел к власти в Крыму в 1419 г. Исследователь сопоставил надпись на монетах Бека-Суфи «султан сын султана» с летописным «малый Солтаном»<sup>34</sup>. С учетом имен следующих ставленников Витовта, упомянутых далее в Белорусской I

<sup>25</sup> Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 233-235; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 374—376.

<sup>26</sup> Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 180—194.

<sup>27</sup> Schiltberger H. Reisebuch // Nach der Nurnberger Handschrift hrsg. von Valentin Langmantel / Bibliothek des Litterarischen Vereins in Stuttgart. Bd. 172. Tübingen, 1885. S. 42; Также см.: Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1984. С. 36; Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich / Perzeklad Karoła Mecherzyńskiego. Т. IV. Kraków, 1869. S. 203—204.

<sup>28</sup> См. ответ венецианского сената от 29 апр. 1420 г. на письмо консула Таны Андре Контарини от 23 окт. 1419 г. (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 303).

<sup>29</sup> Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich. Т. IV. S. 220.

<sup>30</sup> Хромов К. К. Правление ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419—1422 гг. по нумизматическим данным // Историко-географічні дослідження в Україні. Зб. наук. праць. Число 9. Київ, 2006. С. 371. Рис. 1, 2.

<sup>31</sup> ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 59, 76, 108—109.

<sup>32</sup> См.: ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 215, 218—219.

<sup>33</sup> Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich. Т. IV. S. 203—204.

<sup>34</sup> Хромов К. К. Правление ханов в Крымском улусе... С. 367—368.

летописи, отождествление К. К. Хромова следует признать справедливым. Однако вопрос о положении Бека-Суфи необходимо уточнить.

Титул «султан», «султан верховный» в мусульманских странах обозначал верховного независимого правителя (зачастую императора) и ставился перед его именем. Титул «хан», по словам Ганса Шильтбергера, соответствовал титулу «король»<sup>35</sup>, и обычно ставился после имени монарха. В джучидской традиции титулы «султан» и «хан» дополняли друг друга. Не случайно на Востоке Шильтбергер зафиксировал использование титула «король-султан». Титул «султан сын султана» имеет принципиальную особенность. Как известно, эпитеты «отец», «сын», «брат», «меньшой брат» широко использовались в дипломатике для определения старшинства в иерархических отношениях<sup>36</sup>. Судя по сведениям нумизматики, Бек-Суфи не достиг такого же могущества, как султан Джелал-ад-Дин. Согласно массариям Каффы, власть Бека-Суфи ограничилась Крымом<sup>37</sup>. Таким образом, его титул «султан сын султана» или «малый султан» указывает на подчиненное положение «Крымского султаната» в иерархии Золотой Орды.

Из-за скудности источников и известной чехарды ханской власти нет ясности, кто царствовал в столице Золотой Орды в 1419 г. после смерти Дервиша. Это явно не мог быть Бек-Суфи, занимавший положение «малого султана» в Крыму. В этой связи интересны несколько смутные воспоминания Ганса Шильтбергера о том, что накануне падения власти Едыгея на сарайском престоле был Чекре, в плену у которого находился сам Шильтбергер: «Едигей сделал моего господина Чегру королем, как и обещал ему, и тот был королем около восьми месяцев. Тогда пришел некто, по имени Мухаммед и сражался с Чегрой и Едигеем; и Чегра бежал в страну, называемую Дешт-и-Кипчак, и Едигей был схвачен, и Мухаммед стал королем»<sup>38</sup>. По сведениям нумизматики, Чекре был сарайским ханом около 1413—1415 гг. — более восьми месяцев. Однако Шильтбергер не упоминает о том, что после изгнания Чекре (в 1415—1418 гг.), на ордынском престоле побывали многие другие ханы (Джаббар-Берди, Сеид-Ахмед I, Дервиш)<sup>39</sup>, хотя далее излагает довольно связанный рассказ. Поэтому можно предположить, что Шильтбергер пишет не о первом, а о втором периоде царствования хана Чекре в Сарае в 1419 г., не упомянутом в других известных источниках. Его же свидетельство о победе Мухаммед-хана над Едыгеем заслуживает особого внимания.

По сведениям ал-Айни, в 822 г. х. (1419 г.) на Едыгея пошел войной сын Тохтамыша Кадыр-Бирди. В земле мангытов на реке Илек (Урал) между ними произошла большая битва, в которой Кадыр-Бирди погиб, а Едыгей был ранен и бежал. Однако вскоре Едыгей был выдан одним из своих приближенных, а затем убит сторонниками Кадыр-Бирди, после чего Дештом стал править Мухаммед-хан<sup>40</sup>. Как заметил М. А. Усманов, до деталей схожую историю гибели Кадыр-Бирди и Едыгея на рубеже XVI—XVII вв. записал выходец из Сибирского ханства Кадыр Али-бек, который добавил, что раненого Едыгея выдал некий

<sup>35</sup> *Schiltberger H. Reisebuch.* S. 41; Также см.: *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке. С. 35.

<sup>36</sup> СРЯ. Вып. 1. М., 1975. С. 319; СРЯ. Вып. 13. М., 1987. С. 236; СРЯ. Вып. 29. М., 2011. С. 134.

<sup>37</sup> *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle.* T. I. P. 25—26.

<sup>38</sup> Перевод В. Шульзингера по *Schiltberger H. Reisebuch.* S. 42; Также см.: *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке. С. 36.

<sup>39</sup> См.: Рева Р. Ю., Казаров А. А., Клоков В. Б. Новые нумизматические данные для реконструкции истории Золотой Орды в 817-819 гг. х. // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 78—80; ИКПИ. Т. 5. Алматы, 2007. С. 110.

<sup>40</sup> Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 234; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 374—375.

Хасан сын Ичкили. Допуская неточность позднего историка, М. А. Усманов сопоставил этого Хасана с реальным персонажем джучидских генеалогий Ичкили-Хасаном — отцом Мухаммеда, впоследствии известного под именем Улу-Мухаммед<sup>41</sup>. В другом месте своего повествования Кадыр Али-бек называет врагов, убивших Едыгея — это Барын и Сарай. Здесь М. А. Усманов тоже усматривал неточность, поскольку согласно крымской версии эпоса о Едыгее, его убили татарские мирзы Барын и Ширин (слова «Сарай» и «Ширин» близки по написанию арабскими буквами)<sup>42</sup>. Впрочем, ранее в окружении Едыгея действительно был князь Сарай, сын Урусаха, из рода Ширинов, а позже его сын Усейн Сараевич служил хану Улу-Мухаммеду<sup>43</sup>. Можно думать, что в результате военных действий Ичкили-Хасан погиб, поэтому Ширины и Барыны сделали ставку на его сына Мухаммеда. Легенда о том, как Улу-Мухаммеду удалось извести Едыгея отразилась и в турецкой историографии середины XVIII в.<sup>44</sup>

### III. Новые претенденты на сарайский трон и проблема множества Мухаммедов

Для нас личность Улу-Мухаммеда важна тем, что вскоре он стал претендовать не только на Сарай, но и на Крым. В этой связи он стал активным участником литовско-ордынских отношений. Реконструкция интересующих нас событий осложнена тем, что в рассматриваемый период времени действовало несколько Мухаммедов царского рода, которые претендовали на сарайский престол. В весьма поздних повествовательных источниках они сливаются воедино и с трудом идентифицируются. Не менее сложна и проблема достоверности сохранившихся сведений.

Например, не ранее 1457 г. было составлено «Родословие тюрков», которое затем в первой четверти XVI в. использовал тимуридский историк Хондемир. По нему, после Дервиша правил некий Мухаммед (831 г. х.). Затем якобы уже после смерти последнего правил Давлет-Берди б. Таш-Тимур, затем Борак, затем Гийас ад-Дин б. Шадибек, затем Мухаммед б. Тимур (861 г. х.)<sup>45</sup>. Исходя из более достоверных источников, о которых пойдет

<sup>41</sup> Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. С. 78—79; Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 233—234.

<sup>42</sup> Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. С. 85.

<sup>43</sup> ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 155, 171—172, 189.

<sup>44</sup> К сожалению, А. Негри не сделал перевод интересующего нас фрагмента «Краткой истории крымских ханов», а лишь упомянул о нем (Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. Т. 1. Одесса, 1844. С. 381). «Краткая история» является сокращением сочинения Сейид Мухамеда Ризы «Семь планет», к написанию которой был привлечен обширный круг источников, в том числе сведения тимуридских историков XV в., которыми в свою очередь, вероятно, пользовался и Кадыр Али-бек (Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV—XIX веков. М., 2009. С. 113—126). Сличение сведений Кадыр Али-бека о гибели Едыгея с сочинением «Семь планет» и поиск их общих источников достойно специального исследования.

<sup>45</sup> Казахские издатели «Родословия тюрков» (Шаджарат ал-атрак) проигнорировали справедливые замечания В. Г. Тизенгаузена о его датировке. В заголовке они указали, что это извлечение из сочинения современника событий мирзы Улугбека «История четырех улусов». Однако не привели никаких доказательств в пользу того, что в части истории 1420-х гг. «Родословие тюрков» адекватно отражает «Историю четырех улусов» (ИКПИ. Т. 5. Алматы, 2007. С. 88—89, 110—112; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 392-393; Defrémery M. Fragments de géographies et d'historiens arabes et persans inédits // Journal Asiatique. Février-Mars 1851. Paris, 1851. P. 119).



речь далее, вполне очевидно, что анахронизм дат и последовательность событий, изложенная в «Родословии тюрков», не добавляют к ней доверия.

По легенде Кадыр Али-бека, накануне упомянутого выше сражения, Едыгей привлек на свою сторону царевича Хаджи-Мухаммеда (из династии Шибанидов) и обещал ему ханство. После смерти Едыгея его сын Мансур некогда якобы выполнил обещание отца – возвел Хаджи-Мухаммеда на престол, а сам сделался его беком<sup>46</sup>. Однако по сведениям Абд ал-Гаффара Кырыми (середины XVIII в.), у Мансура были другие кандидаты на сарайский престол. Наследник Едыгея посадил царствовать на Идиль-реке (Волге) Гийас ад-Дина (сына Шадибека), который изгнал Улу-Мухаммеда в Крым. Гийас ад-Дин умер по одним сведениям через два с половиной, а по другим – через полтора года<sup>47</sup>. Затем Мансур выдвинул на царство еще малолетнего Кучук-Мухаммеда б. Тимура б. Тимур-Кутлуга (Кичи-Махмета русских источников), но в итоге склонился на сторону царевича Борака<sup>48</sup>, также имевшего власть в отдаленных восточных областях Золотой Орды<sup>49</sup>. К сожалению, о постоянстве и о полноте власти ставленников Мансура известно крайне мало.

Тема междоусобных войн восточных царевичей и их борьбы за сарайский престол активно обсуждается в последнее время и выходит за рамки данного исследования<sup>50</sup>. Однако в связи с проблемой множества Мухаммедов необходимо наметить пути надежной идентификации хана Улу-Мухаммеда в источниках. В отличие от восточных царевичей его семейство опиралось на Ширинов и Барынов, имевших наибольшую власть в западной части Золотой Орды, и в частности — в Крыму. Следовательно, появление в источниках рядом с ханом Мухаммедом представителей этих родов или других известных его слуг является одним из аргументов для его идентификации, как Улу-Мухаммеда.

По сведениям Бадр-ад-Дина ал-Айни и Абд ар-раззак Самарканди, в 824—826 гг. х. (1421—1423 гг.) государем Дешта был «Мухаммед-хан»<sup>51</sup>. Ж. М. Сабитов, вслед за

<sup>46</sup> Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. С. 85; Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. С. 231—232.

<sup>47</sup> Последняя цифра на сарайских монетах Гийас ад-Дина читается невнятно: 82(?) (Евстратов И. В. Гийас ад-Дин Сар (?) хан — новый золотоордынский эмитент XV в. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003. С. 91—93).

<sup>48</sup> По нумизматическим данным, Борак также имел мусульманское имя Мухаммед (Мухаммадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. Табл. XIX). Однако в письменных источниках он все же выступает под именем Борак, что решающим образом облегчает его идентификацию.

<sup>49</sup> Кляиторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 209—210; Langlès L. M. Voyage du Bengale à Pétersbourg: à travers les provinces septentrionales de l'Inde, le Kachmyr, la Perse, sur la mer Caspienne, etc. Т. 3. Paris, 1802. P. 393—394.

<sup>50</sup> Ускенбай К. З. Арало-Каспий в первой трети XV века: упадок Ак-Орды и начало возвышения мангытов // Материалы международной научной конференции «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии». 25—27 мая 2006 года. Ч. 2. Актобе, 2006. С. 21—25; Маслюженко Д. Н. Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммед, или «Улус Шибана» в первой четверти XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Астрахань, 2011. С. 88—101; Сабитов Ж. М. Восточный Дашти-Кипчак в 20-е годы XV века // Иран-намэ. 2012. №1(21) С. 266—275; Парунин А. В. Смерть Барак-хана: опыт реконструкции // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири. Сборник научных трудов. Астана, 2012. С. 225—236; О проблеме идентификации хана Мухаммеда в сочинении Иоганна Шильтбергера см.: Сабитов Ж. М. Чекре-хан и Мухаммед-хан // Зертеуші. 2011. № 3—4. С. 98—103.

<sup>51</sup> Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 234, 378; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 375; ИКПИ. Т. 4. Алматы, 2006. С. 373—374.

некоторыми своими предшественниками, отождествил этого Мухаммед-хана с Шибанидом Хаджи-Мухаммедом<sup>52</sup>. Однако сложности такого сопоставления обнаруживаются уже при первом взгляде на проблему. Так, шибанидский историк середины XVI в. Утемиш-Хаджи вовсе не упомянул о связи Хаджи-Мухаммеда с сарайским престолом<sup>53</sup>. Рассказ же Кадыр Али-бека можно понять и таким образом, что союз Хаджи-Мухаммеда с Мансуром состоялся лишь накануне гибели обоих от рук Борака, то есть к 832 г. х. (окт. 1428 — сен. 1429 гг.).

Более весомым аргументом являются текстологические наблюдения. В своем рассказе о Хаджи-Мухаммеде Кадыр Али-бек ссылается на «сказания узбеков»<sup>54</sup>. Как установил сам Ж. М. Сабитов, в XV в. этнонима «узбеки» еще не существовало, но так в Тимуридском государстве назывались татары<sup>55</sup>. В таком случае следует полагать, что сведения Кадыр Али-бека восходят к сведениям тимуридских историков, полученных теми от «узбеков» (татар). Абд ар-раззак Самарканди заимствовал свои сведения о Мухаммед-хане из хроники, составленной придворным историком Шахруха (сына Тимура) Хафизом-и Абри († 1430 г.) не позднее 830 г. х. (нояб. 1426 г. — окт. 1427 г.). В том же году предположительно тем же Хафизом-и Абри была составлена генеалогическая роспись Муизз ал-ансаб, в которой упомянут «Хаджи-Мухаммед-оглан»<sup>56</sup>. То есть при дворе Шахруха не путали оглана (царевича) Хаджи-Мухаммеда с каким-либо ханом (царем) Мухаммедом. В первой четверти XVI в. тимуридский историк Хондемир тоже знал «Хаджи-Мухаммеда» именно под таким именем<sup>57</sup>. Следовательно, нет оснований для сопоставления «Мухаммеда» тимуридских источников с «Хаджи-Мухаммедом» тимуридских источников и вытекающего из них рассказа Кадыр Али-бека.

Поиски хана Мухаммеда начала 1420-х гг. сужаются до двух персонажей: Улу-Мухаммеда и малолетнего Кичи-Мухаммеда. Обратим внимание на известную в историографии жалованную грамоту некоего «султана правосудного Мухаммед-хана», выданную одному из крымских князей в середине апреля 1420 г.<sup>58</sup> Она была написана, «когда Орда находилась в благословенном Крыму». Следовательно, пребывавший в Крыму хан Мухаммед позиционировал себя в качестве правителя Орды. В записях массарии Каффы 1420-х гг., перенявших терминологию того времени, сохранились наименования правителя Орды: «император Орды великой Татарии», «император Татарии великой Орды»,

<sup>52</sup> Сабитов Ж. М. Источники появления генеалогий джучидов в Муизз ал Ансаб // Вестник Евразийского Национального Университета. №5 (84). 2011. С. 100—103.

<sup>53</sup> Со ссылкой на неопубликованную часть сочинения Утемиш-Хаджи «Чингиз-наме» А-З. Валиди-Тоган сообщает, что Хаджи-Мухаммед «объединил народы башкурт, алатыр, мокша и города на стороне болгар, а также известные поселения мангытов, называемые Туринскими городищами, и стал в этих вилаятах великим падишахом» (Валиди Тоган А-З. История башкир. Уфа, 2010. С. 40).

<sup>54</sup> Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. С. 85; Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. С. 231—232.

<sup>55</sup> Сабитов Ж. М. О происхождении этнонима узбек и кочевых узбеков // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 4. Казань, 2011. С. 166—173.

<sup>56</sup> ИКПИ. Т. 3. Алматы, 2006. С. 6, 42.

<sup>57</sup> Defrémery M. Fragments de géographies et d'historiens arabes et persans inédits. P. 120.

<sup>58</sup> И. Н. Березин предлагал датировать эту грамоту 923 г. х., однако А. П. Григорьев справедливо вернул ее в свой исторический контекст. Затем А. П. Григорьева поддержал М. А. Усманов (Березин И. Н. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. Прибавление к сборнику материалов. С. 16—23; Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация. С. 112—142; Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 61—62).

«император великой Орды»<sup>59</sup>. Так титуловался только правитель Дешта со столицей в Сарае. К жалованной грамоте приложена квадратная печать с изображением тарак-тамги. Такая же тамга отмечена на печати хана Улу-Мухаммеда, приложенной к его письму турецкому султану Мураду II 1428 г., на печатях крымских ханов<sup>60</sup>, а также – на новом типе монет хана Мухаммеда (Улу-Мухаммеда), исследуемых А. А. Казаровым, и на более поздних монетах крымских ханов<sup>61</sup>. К сожалению, вопрос о ее использовании изучен еще недостаточно. Например, схожее изображение имеется на болгарских монетах Гийас ад-Дина и Улу-Мухаммеда<sup>62</sup>.

Вопрос об идентификации правителя Дешта начала 1420-х гг. может разрешиться, если установить личности его послов Алим-Шейх-оглана и Пулада, направленных к правителю Тимуридского государства Шахруху в 1422 г.<sup>63</sup> В попытке решить эту задачу исследователи еще не использовали массарии Каффы, по которым в начале 1424 г. послом хана Улу-Мухаммеда (Masomet-sam) в Каффу был некий Пулад (Polat)<sup>64</sup>. Несмотря на распространенность имен Мухаммед и Пулад, наличие у некоего хана Мухаммеда посла по имени Пулад представляется гораздо более редким явлением, что существенно повышает надежность их идентификации в тимуридских источниках под 1421—1423 гг. В этой связи можно думать, что с 1420 г., возможно, с некоторыми перерывами, возникавшими из-за развернувшейся борьбы за сарайский трон, именно Улу-Мухаммед был правителем великой Орды (Дешта). К сожалению, неизвестно как складывались его отношения «малым султаном» Крыма и с великим князем литовским в 1419—1420 гг.

<sup>59</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 32.

<sup>60</sup> Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV-XVI вв. С. 144, 148—149, 153—154.

<sup>61</sup> Итоги исследования были представлены в докладе А. А. Казарова «Новый тип ордубазарских монет Улу-Мухаммеда» на Международной научной конференции «RASMIR: Восточная нумизматика» (Одесса) в августе 2012 г. Искренне благодарю А. А. Казарова за сотрудничество и помощь, оказанную при написании данной статьи.

<sup>62</sup> Мухамдиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. Табл. XX. Рис. 2-5; Табл. XXI. Рис. 5, 7, 8.

<sup>63</sup> По мнению Ж. М. Сабитова, именно послы Хаджи-Мухаммеда могли предоставить Шахруху сведения о происхождении самого Хаджи-Мухаммеда для составления Муизз ал-ансаб (Сабитов Ж. М. Источники появления генеалогий джучидов в Муизз ал Ансаб. С. 100—103). Вынужден не согласиться с этой точкой зрения. В Муизз ал-ансаб генеалогия Шибанидов сильно урезана. В ней дети Хаджи-Мухаммеда вовсе не названы, хотя трое его сыновей указаны в другой генеалогии начала XVI в. Таварих-и гузида-йи нусрат-наме (См.: Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 37). Главное место в интересующем нас фрагменте Муизз ал-ансаб уделено совсем другой ветви рода (потомкам Тунка б. Бадакул), которая расписана наиболее подробно. Именно с ее стороны сведения о престолонаследии Шибанидов (между прочим требующие генеалогических знаний) составитель Муизз ал-ансаб получил в 829 г. х. (нояб. 1425 г. — окт. 1426 г.) (ИКПИ. Т. 3. Алматы, 2006. С. 42—43).

<sup>64</sup> Послами в Каффу были «Catollo[,] Polat et socio» (Католло[,] Пулад и [их] спутники). По всей видимости, Католло и Пулад – два разных лица, поскольку в другом месте массарий имя господина Солхата Католло читается отдельно (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 31, 32).

#### IV. Образование Крымского ханства и первые крымские ханы

С августа 1420 г. в массариях Каффы упоминается Бек-Суфи с титулом «императора Солхата». В письменных источниках это первое свидетельство об образовании особого Крымского ханства. В этом и в следующем году к Беку-Суфи не раз приезжали послы от Витовта<sup>65</sup>. От имени Бека-Суфи чеканились крымские монеты, с датой 822—825 гг. х. (1419—1422 гг.)<sup>66</sup>. На некоторых из них вместо прежнего титула «султан сын султана» появляется более высокий и суверенный титул «султан». В зависимых от Крыма и плативших ему дань территориях сложилась особая монетарная политика. К. Десимони впервые установил, что начиная с 1420 г. в массариях Каффы содержатся записи об издержках «на починку и покупку железных инструментов для монетного двора»<sup>67</sup>. На монетном дворе в Каффе стали выпускаться двуименные татаро-генуэзские аспры. Первоначально они несли на одной стороне имя хана Бека-Суфи, а на другой — герб Генуи и регалии ее правителя<sup>68</sup>. Кроме того, исследования В. В. Зайцева, а также Ю. Л. Борейши и А. А. Казарова показали, что именно с начала 1420-х гг. в русских землях Великого княжества Литовского джучидские монеты стали надчеканиваться знаком «колюмны»<sup>69</sup>. Думается, что появление этих монет не случайно. Хронологически оно совпадает с

<sup>65</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 25—26.

<sup>66</sup> Хромов К. К. Правление ханов в Крымском улусе... С. 371—372. Рис. 3—5.

<sup>67</sup> Юргевич В. Замечания на статью о генуэзских монетах, помещенную в VIII томе Записок Общества, сделанные итальянским ученым К. Десимони // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. С. 466.

<sup>68</sup> Аспры с именем Бека-Суфи были описаны О. Ф. Ретовским, который, хотя и ссылаясь на массарии Каффы, но, видимо, не имел возможности ознакомиться с ними подробнее, поэтому не смог разобрать имени хана на монетах (Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты // ИИАК. Вып. 18. СПб., 1906. С. 16—18; Табл. I. № 1—5).

<sup>69</sup> Борейша Ю. [Л.], Казаров А. [А.] О надчеканках «колюмн» Витовта Кейстутовича и Свадригайлы Ольгердовича. Минск, 2009. С. 41; Зайцев В. В. О находке трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М., 2009. С. 190—193. В Никоновской летописи (памятник первой трети XVI в.) в рассказе о сражении Витовта с ханом Темир-Кутлумом на реке Ворскле в 1399 г. содержится ряд уникальных известий, которых нет в других более ранних летописях. В частности, говорится о том, что на переговорах с ханом литовский господарь якобы выдвинул одно из условий для сохранения мира: «во всей Орде быти на денгахъ ординскихъ знаменіе Витофтово» (ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 173). Этот анахронизм не соответствует новым сведениям нумизматики, которые отрицают возможность клеймения денег «колюмнами» до 1420-х гг. В этой связи стоит заметить, что только в Никоновской и в Тверской летописях говорится об участии в битве на Ворскле князя Едыгея (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 458—459; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 516—518; ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 31, 52; ПСРЛ. Т. 3. М.—Л., 1950. С. 394—395). На этом основании можно предположить, что при составлении своей редакции рассказа о побоище на Ворскле составитель Никоновской летописи митрополит Даниил использовал источник близкий к тверскому. Как установил А. Н. Насонов, тверской источник Никоновской летописи представлял собой Кашинскую редакцию Тверского великокняжеского свода, который доходил до 1425 г. По Б. М. Клоссу тверские известия Никоновской летописи уникальны лишь до 1414 г. (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 146—148). Но это не означает, что тверской (кашинский) источник Никоновской летописи мог быть использован только до этого года. Именно в первой половине 1420-х гг. известия о «Витовтовом знаменнии» на джучидских монетах были наиболее актуальными. В сохранившейся тверской редакции рассказа ничего не говорится о желании Витовта бить на татарских дангах свое «знамение» (знак) (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 458—459). Поэтому можно думать, что составитель Никоновской летописи сложил свой рассказ о побоище на Ворскле путем компиляции и художественной переработки. Может быть, о «Витовтовом знаменнии» сообщалось в его кашинском источнике не ранее первой половины 1420-х гг., но это известие было перенесено им на 1399 г.?

образованием особого Крымского государства и может быть связано со сложившейся системой вассалитетов и субвассалитетов.

Монеты с именем Бека-Суфи, датированные 1422 г. (825 г. х.), не дают уверенного свидетельства для датировки его смерти из-за смешения штемпелей его монет со штемпелями монет следующего хана. Судя по массариям Каффы, Бек-Суфи был жив еще 28 июня 1421 г.<sup>70</sup> К середине сентября 1421 г. в Крым прибыл бургундский дипломат Жильбер де Ланнуа<sup>71</sup>. К его приезду умер «друг Витовта», который носил титул «император Солхата». Очевидно, имеется в виду Бек-Суфи. С освобождением крымского трона местные татары вступили в спор о назначении нового императора с татарами великого хана, императора Орды<sup>72</sup>. По сведениям Белорусской I летописи, после смерти «малого Салтана» ордынские князья (очевидно, представители крымской знати) в очередной раз послали к Витовту «и просия у него царя. Он же да имъ инога царя, именемъ Давлад-Бердия»<sup>73</sup>. В массариях Каффы под 12 декабря 1422 г. и 26 марта 1423 г. упомянут император, имя которого не названо. Затем под 28 мая, 13 и 28 июня 1423 г. императором назван «Dolatberdi»<sup>74</sup>.

Новый правитель Крыма был полным преемником Бека-Суфи. В частности, у него на службе находился господин Солхата Тенгриберди, который служил еще Едыгею, затем Беку-Суфи и имел сношения с послами Витовта<sup>75</sup>. В массариях Каффы Давлет-Берди назывался просто «императором», но делалось это для упрощения письма. Титул «император Солхата» уже прочно вошел в генуэзскую дипломатическую переписку. В частности, 1 февраля 1424 г. губернатор Генуи (Франческо Буссоне) писал консулу и чиновникам Каффы: «в настоящее время и пока мы ясно видим, вы будете в мире с императором Солхата»<sup>76</sup>. Сам факт избрания Давлета-Берди на царство говорит о том, что солхатцы позиционировали Крым в качестве особого государства. Они претендовали на очень большое наследие. Политическое влияние Крыма уже давно не ограничивалось территорией одноименного полуострова. В частности, денежный рынок крымских монет Бека-Суфи и Давлета-Берди распространялся

---

<sup>70</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 27.

<sup>71</sup> Жильбер де Ланнуа пребывал в Литве после смерти турецкого султана Мехмеда I († 26 мая 1421 г.) и после заключения союза Витовта с чешскими гуситами, вследствие которого Витовт был избран королем Чехии в августе 1421 г. (См.: *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 256—260; *Барбашев А. И.* Витовт, последние двадцать лет княжения. СПб., 1891. С. 143—161). Затем Жильбер де Ланнуа направился в Крым, где находился две недели и отбыл вместе с конвоем венецианских галер, который возвращался из Таны в начале октября 1421 г. (*Пономарев А. Л.* Хан Крыма Бек-Суфи, его законные данги и Лже-Едигей // Нумизматические чтения 2013 года / ГИМ. М., 2013. С. 77).

<sup>72</sup> *Брун Ф. [К.] Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1339-1450* // ЗООИД. Т. 3. Одесса, 1853. С. 442.

<sup>73</sup> ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 59, 76, 108—109.

<sup>74</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 28—31. В. Л. Мыц напрасно относит воцарение Давлета-Берди к 1426 г. и несправедливо по этому поводу спорит с А. Г. Емановым, который сам работал с документами массариев Каффы (См.: *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 110).

<sup>75</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 25, 29; Согласно русским летописям, царевич Тенгриберди участвовал в походе Едыгея на Москву в 1408 г. (ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 155).

<sup>76</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 355—356.

на пограничные земли Великого княжества Литовского, а на севере доходил до верховьев Оки<sup>77</sup>.

На крымских монетах Давлета-Берди был начертан титул «султана». Они чеканились с датой 824—825 гг. х. (1421—1422 гг.). Однако штемпели обратных сторон этих монет с нанесенной на них датой ранее использовались еще при чеканке монет с именем Бека-Суфи. Также известны монеты, одна сторона которых была чеканена лицевым штемпелем с именем Бека-Суфи, а другая сторона — лицевым штемпелем с именем Давлета-Берди<sup>78</sup>. В частной переписке исследователь этих монет К. К. Хромов пояснил, что монеты переходных типов довольно редки. Основная масса монет Давлета-Берди приходится на 825 г. х. (1422 г.), но их известно на порядок меньше, чем более ранних монет Бека-Суфи. Таким образом, нумизматические данные не дают возможности уточнить время прихода к власти Давлета-Берди. Его можно датировать лишь приблизительно периодом с осени 1421 г. до конца 1422 г. Пока не выявлено ни одной крымской монеты Давлета-Берди 1423 г. (826 г. х.) и более поздней, когда он достоверно занимал крымский престол. Это обстоятельство заставляет сомневаться в устойчивости его власти.

#### V. Борьба сарайских ханов за влияние в Крыму в 1423—1424 гг.

17 мая 1423 г. в Каффу прибыли гонцы, которые принесли какую-то новость об императоре Орды (Дешта). Ни его имя, ни сама новость в опубликованном источнике не приведены<sup>79</sup>. Можно лишь заметить, что это было время борьбы Борака и его сподвижника Мансура с великим ханом Улу-Мухаммедом за сарайский трон. Судя по сведениям Абд-ар-раззака Самаркани, Борак захватил «Орду Мухаммед-хана» к весне 1423 г.<sup>80</sup> Примечательно, что 27 марта 1423 г. в Каффе пребывал некий господин Солхата Сеит Мансур (Sait Mansor). Затем 27 июля того же года ему был сделан подарок<sup>81</sup>. Не следует ли сопоставить Сеита Мансура с сыном Едыгея? Ведь отпрыски Едыгея позиционировали себя в качестве потомков одного из первых сподвижников пророка Мухаммеда, представителей святого рода — «сеитов»<sup>82</sup>. В последнее время выявлена редкая крымская монета, на которой

<sup>77</sup> Беспалов Р. А., Казаров А. А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008-2011 годах (по результатам предварительного исследования) // Город Средневековья и раннего Нового времени: Археология. История. Тула, 2013. С. 73, 75, 77; Борейша Ю. [Л.], Казаров А. [А.] О надчеканках «колюмн» Витовта Кейстutowича и Свадригайлы Ольгердовича. С. 9—11, 19—20, 48—51; Зайцев В. В. О находке трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками. С. 190—192.

<sup>78</sup> Хромов К. К. Правление ханов в Крымском улусе... С. 371—372. Рис. 3—6.

<sup>79</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 30.

<sup>80</sup> Согласно сведениям ал-Айни, государь Дешта Мухаммед-хан воевал с Борак-ханом и Берке-ханом (вероятно с Чекре-ханом?) еще в 1421 г. Однако можно думать, что в то время Бораку не удавалось захватить Сарай. Тимуридскому историку Абд-ар-раззаку Самарканди Борак известен с 1419 г., но первое известное ему сообщение о победе Борака над Мухаммед-ханом пришло к Шахруху в Багдис лишь в апреле-мае 1423 г. (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 234, 378; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 375; ИКПИ. Т. 4. Алматы, 2006. С. 374).

<sup>81</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 30, 31.

<sup>82</sup> Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. С. 82—84.

В. П. Лебедев прочитал имя хана Борака. Однако ее датировка остается под вопросом<sup>83</sup>. Во всяком случае, в это время в Каффе «императором» называли Давлета-Берди. Его титул отличали от титула «великого императора Орды», а сам Давлет-Берди, судя по всему, мирно соседствовал с сеитом Мансуром, который был одним из старших князей (господ Солхата), представлявших свой род в иерархии крымской власти.

Вскоре Бораку и Мансуру пришлось отступить. В 1423 г. в Египет пришло сообщение, согласно которому, «государем земель Дештских, столица которых Сарай, был султан Мухамед-хан»<sup>84</sup>. Именно этот император великой Орды стал стремиться сместить Давлета-Берди с крымского престола. 18 октября, 9 и 22 ноября, 16 и 20 декабря 1423 г. в массариях Каффы упомянуты лица, пришедшие в Каффу от «господина императора Татарии», имя которого не названо. Тем не менее, его личность можно установить. 18 октября в Каффе пребывал господин Солхата Католло (Catollo), который затем 1 января 1424 г. снова прибыл в Каффу в качестве посла «господина императора Татарии великой Орды Мухаммед-хана»<sup>85</sup>. Под 16 декабря 1423 г. упомянут господин Солхата, посланный императором. В этот же день «Taulasberdi» (Давлет-Берди) упомянут уже без титула в качестве «брата императора»<sup>86</sup>. Согласно Муизз ал-ансаб, Давлет-Берди б. Баш-Тимур, б. Джаниса приходился двоюродным братом Мухаммеду б. Хасан, б. Джаниса (Улу-Мухаммеду)<sup>87</sup>. Очевидно к середине октября 1423 г. Давлет-Берди был смещен с крымского престола, но поскольку в конце года он все еще находился в Крыму, можно думать, что его отстранение от власти произошло мирным путем. С 1 по 7 января 1424 г. в Каффе его послам и дарагам «императора Орды великой Татарии Мухаммед-хана» преподносились подарки, а в Солхате находился представитель великого императора. Однако Давлет-Берди, видимо, не смирился с потерей власти. 11 января из Солхата в Каффу пришла весть о том, что недавно он снова был избран императором<sup>88</sup>.

Должно быть, Давлет-Берди рассчитывал на помощь своих прежних союзников, но планы Витовта к этому времени существенно изменились. По Белорусской I летописи, «Давлад-Бердию немного время побывши». Когда Витовт находился в Киеве, некие ордынские старейшины (видимо, противники Давлета-Берди), пришли к литовскому господарю и тоже просили царя, «он же дал им царя именем Магмета»<sup>89</sup>. Примечательно, что упоминая об отношениях Витовта с ордынскими князьями, Белорусская I летопись каждый раз фактически говорит о его отношениях с крымской знатью. Нового претендента на крымский престол уверенно можно отождествить с Улу-Мухаммедом – великим императором Орды. Согласно поздней легенде крымских Ширинов, хан Улуг-Мегмет Гирей пришел к власти

<sup>83</sup> Лебедев В. П., Ситник В. Г. Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13. Армавир-Краснодар, 2012. С. 195, 204, 207, 210. № 218.

<sup>84</sup> Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 234; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 375.

<sup>85</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 31—32.

<sup>86</sup> Ibid. P. 29.

<sup>87</sup> ИКПИ. Т. 3. Алматы, 2006. С. 45.

<sup>88</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 32.

<sup>89</sup> ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 59, 76, 109. Согласно Белорусской I летописи, царствование Давлета-Берди «мимо шедшо», то есть «прошло», и его сменил хан Махмет. В более позднюю редакцию летописи вкралась существенная ошибка: сообщается, что Давлет-Берди на царстве умер, после чего ханом стал Махмет. Это не соответствует более ранним источникам (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 141, 163, 189, 210, 231).

(был избран) при помощи главы их рода великого князя Тегене<sup>90</sup>. Эта легенда подтверждается и ранними источниками. Тегене (Тягиня русских источников) был двоюродным или троюродным братом князя Сарая, который по Кадыр Али-беку участвовал в казни Едыгея<sup>91</sup>. В начале января 1424 г. именно Тегене-бей (Tegen-bi) был представителем императора великой Орды Мухаммед-хана (Masomet-sam) в Крыму<sup>92</sup>.

Точная дата киевской встречи Ширинов с Витовтом не сохранилась. Возможно, она состоялась еще во второй половине 1423 г. и предполагала мирное отрешение Давлета-Берди от власти, но затем его мятеж потребовал силовых действий. 12 июня 1424 г. в Каффу пришло известие о наступлении хана Улу-Мухаммеда (Masomet-sam) и бегстве хана Давлета-Берди. Когда же Улу-Мухаммед занял Крым, солхатцы избрали его своим императором<sup>93</sup>. В письме гроссмейстеру Немецкого ордена Павлу фон Русдорффу от 22 июня 1424 г. Витовт сообщал: «татарский царь по имени Махмет, наш друг, теперь, что вполне достоверно, полную власть вместе со всем царством из нашей земли занял и овладел; и теперь у нас пребывает его почтенное посольство; и в течение короткого времени пошлет к нам своего единственного сына с некоторыми господами из царского рода и именитыми князьями, усердно благодаря нас за наше содействие и помощь, которую мы ему из нашей страны для [завоевания] царства осуществили и оказали»<sup>94</sup>. Должно быть, под «всем царством» Витовт понимал полноту власти великого хана Улу-Мухаммеда, которая была достигнута подчинением ему Крыма.

Необходимо подчеркнуть важную особенность сложившейся ситуации. В массариях Каффы речь идет о том, что императора великой Орды солхатцы избрали своим императором и тем самым преподнесли ему второй императорский титул! По сути, Крымское ханство (малый султанат) оказалось в подчинении великого сарайского хана (султана) Улу-Мухаммеда, но особый статус Крыма сохранился.

## VI. Борьба хана Улу-Мухаммеда за Сарай и Крым в 1425—1428 гг.

Успех Улу-Мухаммеда был очень значительным, но осуществление его планов по объединению Золотой Орды продвигалось непросто. С востока ему снова стал угрожать царевич Борака, объединившийся с Мансуром. В сочинении тимуридского историка Мирхонда († 1498 г.) сохранилось известие о том, что зимой 828 г. х. (видимо, в конце 1424 г.) к маверанахрскому мирзе Улугбеку (сыну Шахруха), находившемуся на реке Сырдарье, пришло сообщение от Борака, который незадолго до этого воссел на престол в Дешт-и-Кипчаке<sup>95</sup>. Краткое сообщение о завоевании Бораком «орды Мухаммед-хана» под тем же 828 г. х. также сохранилось у другого тимуридского историка Абд-ар-раззак Самарканди<sup>96</sup>. Сведения о двух нападениях Борака отразились и в сочинении Ганса Шильтбергера, который в это время находился при дворе бывшего хана Чекре «в некоей

<sup>90</sup> Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения... С. 124.

<sup>91</sup> В русских летописях под 1432 г. Усейн (сын Сарая, Урусахова сына) назван «братаничем» (сыном брата) князя Тегене (Шихова сына) (ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 155, 172).

<sup>92</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 32.

<sup>93</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 33.

<sup>94</sup> СЕУ. №1159. S. 660; Перевод уточнен С. В. Полеховым, которому я выражаю искреннюю благодарность за проверку переводов, как моих, так и М. Г. Сафаргалиева.

<sup>95</sup> *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. С. 206—207.

<sup>96</sup> Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 379; ИКПИ. Т. 4. Алматы, 2006. С. 374.



стране, называемой Дешт-и-Кипчак»: «Пришел некто по имени Борака, изгнал Мухаммеда и стал королем. И затем Мухаммед собрался [с силами] и изгнал Борака, и снова стал королем. Затем пришел некто по имени Давлет-Берди, изгнал Мухаммеда и стал королем, и был королем только три дня. Затем пришел вышеназванный Борака, изгнал Давлета-Берди и снова стал королем»<sup>97</sup>.

Свидетельство о кратковременном царствовании Давлета-Берди вызывает ряд вопросов. Имел ли он силы для «изгнания» Улу-Мухаммеда из Сарая, если ранее не мог удержать за собой даже Крым? Разве что он занял Сарай, пока великий хан был отвлечен на борьбу с Бораком? Вспоминая о пребывании некоего сеита Мансура у Давлета-Берди в Крыму в марте и июле 1423 г., стоит задаться вопросом: не объединялись ли тогда Борака и Давлет-Берди для борьбы с Улу-Мухаммедом? Во второй раз эта пара вновь появляется вместе. По массариям Каффы выходит, что после изгнания Давлета-Берди из Крыма (июнь 1424 г.) Улу-Мухаммед ушел в Сарай. Однако к концу августа Давлет-Берди снова занял Крым<sup>98</sup>. Затем, судя по запискам Шильтбергера, Давлет-Берди пошел войной на Сарай, после чего столица великой Орды перешла в руки хана Борака. Не исключено, что их почти одновременное нападение на Сарай было согласовано и хорошо спланировано.

Степи, лежащие к западу от Волги, пришли в расстройство. Осенью потерпевший поражение от Борака хан Куйдадат (двоюродный брат Улу-Мухаммеда и Давлета-Берди) напал на Новосильско-Одоевское княжество и восточные окраины Великого княжества Литовского (Тулу и ее окрестности), где был разбит войсками коалиции феодалов Верхнего Поочья<sup>99</sup>. Тем временем Улу-Мухаммед был вынужден укрыться у своего союзника Витовта. В письме гроссмейстеру Немецкого ордена от 1 января 1425 г. Витовт писал: «мы даем Вам знать, что империя в Татарии находится в таком большом раздоре и разделении, что теперь там пребывают шесть благородных царей, каждый добивается царства и наследует [его]. Один из тех самых царей по имени Махмет пребывает у нас, а другие живут там, в земле, один в одном месте, другой в другом, так как их страна особенно большая и обширная»<sup>100</sup>.

По неопубликованным сведениям массарий Каффы А. Л. Пономарев установил, что весной следующего года Улу-Мухаммед снова возвратился в Крым, и 14 мая 1425 г. солхатцы признали его императором<sup>101</sup>. Затем он вновь включился в борьбу за первенство в Деште. Согласно летописи ал-Айни, в 828 г. х. (нояб. 1424 — нояб. 1425 гг.) в подчиненных Сараю землях происходила «великая неурядица, вследствие отсутствия старшего, который бы взялся за дела; одерживало там верх несколько знатных лиц из рода ханского и других. Каждый из них правил своим краем и ни у одного из них дело не шло на лад, как бы следовало, но перевес между ними одерживал Мухаммедхан»<sup>102</sup>. Поскольку осенью-зимой 1424—1425 гг. Улу-Мухаммеда еще не было в Деште, то с поправкой на путь до Египта это

<sup>97</sup> Перевод был сделан мной по: *Schiltberger H. Reisebuch*. S. 42, а затем уточнен В. Шульзингером; Также см.: *Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке*. С. 36.

<sup>98</sup> *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle*. Т. I. P. 33.

<sup>99</sup> В историографии бытует ошибочное мнение о нападении самого хана Борака на Одоев. Оно основано на искаженных данных в поздних летописных сводах (*Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009. С. 205—208*).

<sup>100</sup> *СЕУ*. №1181. S. 688. Перевод автора статьи (Р. А. Беспалова) уточнен С. В. Полеховым.

<sup>101</sup> Выражаю искреннюю благодарность А. Л. Пономареву за предоставленные мне и А. А. Казарову сведения.

<sup>102</sup> *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды...* С. 234; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 375.

сообщение следует датировать приблизительно весной–летом 1425 г. В ноябре 1425 г. Улу-Мухаммед находился в Крыму<sup>103</sup>. В следующем 829 г. х. (должно быть, весной 1426 г.) он сразился с Бораком и Мансуром и обратил их в бегство<sup>104</sup>. При этом, видимо, распространились слухи о гибели Борака, которые были зафиксированы Гансом Шильтбергером в качестве якобы установленного факта. Вскоре господин Шильтбергера Чекре тоже пошел войной на хана Мухаммеда, но потерпел поражение и был убит<sup>105</sup>.

Восточные дела сильно отвлекали Улу-Мухаммеда от Крыма. Весной 1426 г. сюда снова прибыл Давлет-Берди. Впрочем, положение последнего было очень шатким. Он стремился возобновить отношения с Витовтом и заручиться его поддержкой, однако, видимо, не имел с ним прямого сообщения. На основании более поздних источников можно предположить, что сухопутная дорога из Крыма в Великое княжество Литовское была блокирована крымскими сторонниками Улу-Мухаммеда. Она проходила через ту область на Днепре, где к концу XV в. располагался Тягинин городок<sup>106</sup>. По всей видимости, он получил название по имени своего первого владельца главы рода Ширинов великого князя Тегене (Тягини) — главного сторонника Улу-Мухаммеда в Крыму. 2 мая 1426 г. в Каффе Ованес — священник церкви Святого Франциска в качестве посредника написал рекомендательное письмо Витовту о том, что император Давлет-Берди вступил в Солхат и пребывает там, взывая к его милости; что ранее только по навету плохих людей он действовал вопреки литовскому господарю<sup>107</sup>. Однако, несмотря на попытки Давлета-Берди завязать переговоры с Витовтом, тот оставался верным союзу с Улу-Мухаммедом, и в августе того же года даже использовал его войска в походе на Псковскую землю<sup>108</sup>. К сожалению, не ясно, где в это время находился сам Улу-Мухаммед, который, видимо, не принимал участия в Псковском походе.

Зиму 1426—1427 гг. великий хан провел в низовьях Днепра<sup>109</sup>. Думается, это был удачный плацдарм для похода на Крым. Не позднее осени 1426 г. хан Давлет-Берди направил из Крыма в Египет послание, которое прибыло ко двору султана в марте 1427 г.

<sup>103</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 34.

<sup>104</sup> В письме от 27 джумади ал-авваля 831 г. х. (14 марта 1428 г.) Улу-Мухаммед писал, что победил Борака и Мансура «в позапрошлом году», то есть в 829 г. х. (нояб. 1425 г. — нояб. 1426 г.) (Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник, 1973. М., 1975. С. 54). Поскольку зиму 1425—1426 гг. Улу-Мухаммед провел на Днепре, то напасть на Борака он мог не ранее весны 1426 г., но и не позднее, иначе это событие не согласуется с хронологией рассказа Ганса Шильтбергера.

<sup>105</sup> Для уточнения обстоятельств гибели Чекре мной использован оригинальный текст, который отличается от известного перевода на русский язык (*Schiltberger H. Reisebuch*. S. 42, 43—44; Также см.: Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. С. 36, 67-68). Очевидно, Шильтбергер не был свидетелем гибели Борака, который по тимуридским источникам погиб несколько позже — в 832 г. х. (окт. 1428 — сен. 1429 гг.) (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 380—381; ИКПИ. Т. 4. Алматы, 2006. С. 377—378). Однако следует полагать, что он был очевидцем смерти своего господина Чекре в 1426 г., при дворе которого находился. Приблизительно год спустя Шильтбергер бежал из плена, а спустя несколько месяцев в 1427 г. вернулся в христианские земли, поэтому он не мог знать о дальнейшей судьбе Борака.

<sup>106</sup> Lietuvos metrika. Kniga Nr. 5 (1427—1506). №4. P. 56; № 11.1.—11.2. P. 64—66; См.: Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. С. 89; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 2010. С. 85—86.

<sup>107</sup> СЕУ. №1223. S. 721.

<sup>108</sup> ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 247; Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 40—41.

<sup>109</sup> Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II. С. 54.

Доставивший письмо сообщил, что «в землях Дештских большая неурядица и что три царя оспаривают царство друг у друга; один из них, по имени Даулетбирди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммедхан, завладел Сараем и принадлежащими ему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка»<sup>110</sup>. К тому времени эти сведения устарели, поскольку в «прилегающем к Крыму краю» (в низовьях Днепра) уже определенно находился Улу-Мухаммед. В письме гроссмейстеру Немецкого ордена от 17 марта 1427 г. Витовт сообщал: «теперь в Татарской степи пять ханов, особенный тот, который с нашей помощью завладел Ордой (победил Орду), и [его] сын теперь у нас, тот могущественный, и держит Орду с силой»<sup>111</sup>. Очевидно, имелся в виду Улу-Мухаммед. Выше на примере сведений Белорусской I летописи и письма Витовта от 22 июня 1424 г. было показано, что в предыдущих случаях литовские источники, хотя вроде бы и сообщали об ордынских событиях вообще, но на самом деле повествовали о том, как Витовт помогал «своим» ханам именно в крымских делах<sup>112</sup>. Это важное свойство источников литовского происхождения не было замечено предыдущими исследователями. На его основании можно полагать, что к марту 1427 г. Улу-Мухаммед с литовской помощью вновь овладел Крымом, и это был удачный момент для посольства его сына в Литву.

Летом 1427 г. во время поездки по русским землям Великого княжества Литовского по пути в Смоленск Витовт снова встречался с послами татарского императора<sup>113</sup>. В августе 1428 г. в Смоленске был окончен сохранившийся до наших дней список Слов Исаака Сирина. В рукопись также был переписан текст, который в более поздней летописной традиции получил название «Похвала Витовту». В нем сообщается, что Витовту служили многие независимые от великого литовского княжения государи, «и тако же слоужаху емоу и

<sup>110</sup> Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 235; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 376.

<sup>111</sup> СЕУ. №1270. S. 759.

<sup>112</sup> Назову еще один подобный пример более позднего происхождения. Польский поэт и историк второй половины XVI в. М. Стрыйковский с опорой на «литовские летописи», восходящие к Белорусской I летописи, написал стихи о Витовте следующего содержания:

«Przekopskim też tatarom podał dwu soltanu,  
Potym Dewletkiereja też z carskiego stanu,  
Mahometa na carstwo Kirkielske posadził...»

(Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Т. 2. Warszawa, 1846. S. 175; О летописных источниках М. Стрыйковского см.: Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 82—129). Автор допустил целый ряд несуразностей. Например, в предыдущих строфах писал, что после заволжского царя «Zoltana Zeledina» (Джелал ад-Дина, † 1412 г.) правил Тохтамыш (то есть отец Джелал ад-Дина, † 1407 г.); здесь же вместо «Давлад-Бердия» указал «Dewletkiereja»; назвал «carstwo Kirkielske», что является явным анахронизмом, поскольку резиденция крымского хана Хаджи I Гирея находилась в Кырк-Ере не ранее середины XV в. Тем не менее примечательно, что М. Стрыйковский отличал Зоволжскую Орду (Дешт со столицей в Сарае) от Перекопской (Крымской) Орды. Он писал, что Витовт дал двух Солтанов, Давлет-Керея и Махмета не «ордынским старейшинам» вообще, а именно «перекопским татарам».

<sup>113</sup> СЕУ. №1329. S. 799. О датировке письма шута Генне см.: Беспалов Р. А. Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008. С. 257; Беспалов Р. А. К вопросу о времени запустения южной части Новосильско-Одоевского княжества // Город Средневековья и раннего Нового времени: Археология. История. Тула, 2013. С. 86—88.

восточные великии ц(а)ри татарьскийи»<sup>114</sup>. Не случайно именно смоленское летописание середины XV в., отразившееся в Белорусской I летописи, включило в себя список «Похвалы Витовту», по окончании которого раскрыт перечень этих «великих татарских царей» и описаны обстоятельства их воцарения.

Зиму 1427—1428 гг. Улу-Мухаммед вновь провел в низовьях Днепра<sup>115</sup>. Его соперник Давлет-Берди был человеком, склонным к псевдоучености<sup>116</sup>, и при этом, видимо, весьма недалеким, поскольку в свое время не уберег дружбу с Витовтом. По большей части он спасался от Улу-Мухаммеда бегством, и имел силы лишь на то, чтобы время от времени занимать пустующий трон. Тем не менее, он опирался на какую-то часть татарской знати, которая делала на него ставку. В 831 г. х. (окт. 1427 г. — окт. 1428 г.) он чеканил монету в Хаджи-Тархане<sup>117</sup>. На основании сведений нумизматики еще А. Г. Мухамадиев выявил факт борьбы между Давлетом-Берди и Улу-Мухаммедом в 1420-х гг. В том числе, она протекала в области нелокализованных монетных дворов, чеканивших монету по сарайской весовой норме<sup>118</sup>. Однако в Крым Давлет-Берди больше не вернулся. Интересно, что прежде губернатор Генуи рекомендовал консулу и чиновникам Каффы жить в мире с императором Солхата и стремиться устранять все поводы для скандалов и войн<sup>119</sup>. Давлет-Берди мог пользоваться этим, и находил в Каффе помощь и поддержку. Может быть, именно в этой связи в конце 1420-х гг. отношения Каффы с Улу-Мухаммедом и Витовтом существенно осложнились, и чуть было не переросли в открытую вражду<sup>120</sup>. В скором времени Давлет-Берди окончательно сошел с политической сцены. По сведениям ал-Айни, к концу 1428 г.

<sup>114</sup> ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 417—418.

<sup>115</sup> *Султанов Т. И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II. С. 54.

<sup>116</sup> Известны два сообщения о письмах Давлета-Берди, которые были наполнены затейливыми восточными тонкостями и хитросплетениями, при этом в контексте самих писем не имеющими практического смысла (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 235; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 376; Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 30).

<sup>117</sup> *Френ Х. М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832. С. 35. Таб. VIII. № 266; Н. П. Лихачев писал о крымском дирхеме Давлета-Берди 831 г. х. Однако, как заметил В. П. Лебедев, он «не издан и не найден в частных коллекциях» (*Лебедев В. П.* К нумизматике Крыма золотоордынского периода // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 9. М., 2002. С. 148). Вероятно, датировка этой монеты ошибочна.

<sup>118</sup> *Мухамадиев А. Г.* Два клада татарских монет XV века // Советская археология. М., 1966. №2. С. 272—273.

<sup>119</sup> Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 355—356.

<sup>120</sup> О сложных отношениях Каффы с «императором Магомедом» известно из письма губернатора Генуи (Бартоломео Каппы) от 22 августа 1428 г., который все же призывал консула и чиновников Каффы жить с их противниками мирно (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. P. 477). Согласно другому документу из секретного архива Генуи, некогда посол Каффы в Великое княжество Литовское Баттиста Джентиле обещал поднять над Каффой знамена Витовта и установить там его гербы, на что, впрочем, не имел никаких полномочий. За невыполнение обещаний Витовт угрожал Каффе войной. В 1430 г. татарский хан, видимо, находившийся на стороне Витовта, ограбил следующего посла Каффы в Великое княжество Литовское Дарио Грилло (*Карпов С. П.* Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.—СПб., 1998. С. 36).

Улу-Мухаммед вновь стал «государем Дешта и Крыма»<sup>121</sup>. 9 сентября 1429 г. Витовт писал гроссмейстеру Немецкого ордена: «из новых известий извольте знать, как мы сообщали вам с вашими послами, что царь Махмет, наш друг, написал нам, что он теперь обладает всем царством и Ордой, об этом он нам также (вторично) сообщил через свое подобающее посольство»<sup>122</sup>.

\* \* \*

В итоге можно заключить, что мотивация Витовта в его ордынской политике была основана на отстаивании своего права на управление русскими землями, вошедшими в состав Великого княжества Литовского, но административно подчиненными Крымскому улусу Золотой Орды. Еще в конце XIV в. союз с Тохтамышем позволил Витовту освободиться от влияния в этом вопросе польской короны. В 1420-х гг. литовский господарь продолжал бороться за политическое влияние в Крыму, однако обособление Крымского улуса для него, видимо, не было самоцелью. К 1419 г. Крым выделился в особый султанат. В его главе стал джучид, который носил титул «султан сын султана» (иначе «малый султан») и подчинялся султану (великому хану) великой Орды (Дешта). Впрочем, подчиненное положение Крыма было возможно только при наличии сильной и устойчивой власти в Сарае. В 1420 г. укрепление крымского суверенитета стало возможным, видимо, вследствие столичных смут, а также вследствие разрастания местного сепаратизма, который, однако, поддерживался лишь частью крымской знати. В свою очередь хан великой Орды стал стремиться вернуть Крым в свое подчинение или утвердить там удобную для себя власть. Так в Крыму в очередной раз пересеклись интересы Великого княжества Литовского и великой Орды (Дешта).

Во время правления хана Бека-Суфи литовско-крымские отношения развивались успешно, но с приходом к власти хана Давлета-Берди в Крыму стали происходить неурядицы. Отчасти они были связаны с усилением партии великого хана Улу-Мухаммеда, а отчасти с внутренней борьбой крымской знати за власть. По всей видимости, Давлет-Берди стал искать союзников для борьбы с Улу-Мухаммедом, и, вероятно, нашел их в лице Борака и Мансура. Во всяком случае, его самовольные действия перестали соответствовать надеждам Витовта. Тем более литовской стороной не приветствовалось появление в Крыму такого постороннего и непредвиденного хана, как Борак. Основой успеха великого хана Улу-Мухаммеда в Крыму стали: его союз с Витовтом и поддержка, полученная им от некоторых представителей крымской знати, главным образом от Ширинов во главе с великим князем Тегене, а также от Барынов. Казалось бы, в западной части Золотой Орды дипломатическое и военное преимущество оказалось на стороне Улу-Мухаммеда, но в то же время ему постоянно угрожали восточные претенденты на сарайский трон. По этой причине осуществление планов Улу-Мухаммеда по объединению Дешта и Крыма под своей властью растянулось на несколько лет. В итоге Витовт, видимо, получил ярлык-пожалование на русские земли Великого княжества Литовского не от особого крымского хана (малого султана, стремившегося стать самостоятельным султаном), а от хана великой Орды (султана) Улу-Мухаммеда, овладевшего «малым султанатом» Крымом<sup>123</sup>. По своему статусу этот предполагаемый ярлык был равен аналогичному ярлыку хана Тохтамыша 1397 г.

---

<sup>121</sup> Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 235; ИКАИ. Т. 1. Алматы, 2005. С. 376.

<sup>122</sup> СЕУ. №1390. S. 866. Перевод С. В. Полехова.

<sup>123</sup> Ярлык Улу-Мухаммеда Витовту на русские земли Великого княжества Литовского не сохранился. Однако в письме от 9 мая 1431 г. Свидригайло сообщал гроссмейстеру Немецкого ордена, что Улу-

Судя по Белорусской I летописи, в Великом княжестве Литовском первые крымские ханы считались ставленниками Витовта. Действительно, его успехи можно сопоставить с прежними достижениями Едыгея. Литовскому господарю удалось достичь того, что в Крыму «свои» ханы в конечном итоге побеждали, а «чужие» непременно терпели поражение. Однако он вполне осознавал величие ханской власти, от которой получал право на управление «Русской землей». Поддерживая одного из кандидатов на трон, он мог рассчитывать на дружественные отношения с ним в будущем. При этом согласно сохранившимся ярлыкам крымских ханов, литовская сторона, видимо, по-прежнему была обязана выплачивать в Крым обычную дань с русских земель Великого княжества Литовского. Отказ от выплат на законных основаниях вел к суровым санкциям со стороны татар. Так закладывались основы для будущего развития литовско-крымских отношений и для дальнейшего обособления Крымской Орды под властью сына Бека-Суфи — Сеид-Ахмеда II, а затем и преемника Улу-Мухаммеда в Крыму – Хаджи Гирея<sup>124</sup>.

---

Мухаммед дал ему письменное обязательство о мире, такое же, как и прежние ханы давали прежним великим князьям литовским. Значительные фрагменты Списка городов Свидригайла 1432 г. схожи с перечнем более поздних ярлыков крымских ханов, выданных великим литовским князьям (*Коцебу А.* Свитригайло, великий князь Литовский, или дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 94, Приб. 2. С. 8—9). Поэтому можно думать, что заключение литовско-ордынского договора о мире в 1431 г. сопровождалось выдачей Свидригайлу ханского ярлыка-пожалования на русские земли Великого княжества Литовского, аналогичного предполагаемому ярлыку-пожалованию хана Улу-Мухаммеда, выданному Витовту.

<sup>124</sup> См.: *Беспалов Р. А.* Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437—1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 53—70.

### **Резюме**

Предпосылки к возникновению литовско-крымских отношений сформировались еще к началу правления хана Тохтамыша. Они были обусловлены тем, что в состав Великого княжества Литовского входили русские земли, которые также находились в зависимости от Крымского улуса Золотой Орды. Позже это привело к тому, что во время распада Золотой Орды великие литовские князья приняли активное участие в образовании Крымского ханства. В данном исследовании рассматривается попытка образования в Крыму независимого государства в 1420-1424 гг.

**Ключевые слова:** Крымское ханство, Великое княжество Литовское, Бек-Суфи, Давлет-Берди, Борак, Улу-Мухаммед, Витовт.

### **Summary**

Preconditions for the emergence of Lithuanian-Crimean relations formed back to the beginning of the reign of Khan Tokhtamysh. They were due to the fact the Grand Duchy of Lithuania included the Russian lands, which were also depending on the Crimean ulus of the Golden Horde. Later, this led to the fact that while the Golden Horde was collapsing, the grand Dukes of Lithuania played an active role in the formation of the Crimean Khanate. In this study highlights the attempt to form an independent state in the Crimea in 1420-1424 years.

**Keywords:** the Crimean Khanate, the Grand Duchy of Lithuania, Beck-Sufi, Davlet-Birdie, Boraq, Ulu-Muhammed, Vytautas.